На правах рукописи

Неверова Евгения Владимировна

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЮЖНО-КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре международного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Вылегжанин Александр Николаевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)
Шинкарецкая Галина Георгиевна

кандидат юридических наук, доктор философии в области права – Лэстерский университет (Великобритания), старший партнер юридической фирмы BM Morrison Partners
Мирзаев Фархад Сабир оглы

Ведущая организация: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»**

Защита состоится 15 мая 2018 г. в «13» часов «30» минут в ауд. 216 на заседании диссертационного совета Д 209.002.08 (юридические науки) при Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО МИД России по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76 и на сайте: www.mgimo.ru.

Объявление о защите диссертации и автореферат диссертации размещены на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по адресу: http://vak.ed.gov.ru/.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета **кандидат юридических наук, доцент Д.В. Иванов**

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования

К настоящему времени у многих государств сохраняются оспариваемые территориальные притязания на сухопутные[1] или водные[2] территории; имеются несогласия с толкованием применимых международных договоров, решений международных судов или арбитражей, иных международно-правовых документов, содержащих положения о государственной границе или линии, разграничивающей пределы суверенных прав; наличествуют и разногласия между соседними государствами о суверенитете над конкретными территориями, в т.ч. островами[3]. Территориальные споры пагубны для двусторонних отношений спорящих государств, для всеобщего мира и безопасности, поскольку такие споры представляют *постоянный* риск вооруженного конфликта[4]. С этим мнением согласна и отечественная международно-правовая доктрина. Так, проф. Клименко Б.М. верно отмечает: «Даже при отсутствии вооруженных столкновений территориальные споры и разногласия могут надолго осложнять отношения между государствами»[5].

Это высказывание как нельзя лучше характеризует разногласия между Россией и Японией о суверенитете над южно-курильскими островами (именуемыми в Японии «Северными территориями» (北方領土, *Hoppō Ryōdo*)) – островами *Кунашир, Итуруп, Шикотан*, и группой островов, называемых *Хабомаи*[6]. Наличие этих разногласий вот уже более семидесяти лет препятствует заключению между двумя соседними государствами мирного договора по итогам Второй мировой войны[7], а также расширению сотрудничества между ними в иных областях, прежде всего, экономической[8].

---

[1] Вылегжанин А.Н., Малеев Ю.Н. Территория (общие международно-правовые вопросы) / Международное право. В 2-х т. – Т.1 // под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, 2016. – С.100 – 107.

[2] Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А. и др. Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы // под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 73 – 108.

[3] The World Factbook. Disputes – International // Central Intelligence Agency [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2070.html (дата обращения: 07.11.2017).

[4] Huth P.K. Standing Your Ground: Territorial Disputes and International Conflict. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. – P. 4–5; Goertz G., Diehl P.F. Territorial Changes and International Conflict. Studies in International Conflict. Volume 5. – London & New York: Routledge, 2002. – P. 105 – 125.

[5] Клименко Б.М. Мирное решение территориальных споров. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 4; Клименко Б.М. Государственные границы – проблема мира. – М.: Междунар. отношения, 1964. – С. 83 – 100.

[6] В русскоязычных источниках и на картах также встречаются названия «Южные Курилы» и «Малая Курильская гряда». В литературе и источниках на английском и французском языках наиболее распространены, соответственно, наименования “Southern Kurils” или “Southern Kuril Islands” (иногда слово “Kuril” пишется как “Kurile”) и “les îles Kouriles du sud”. В Японии для обозначения южно-курильских островов также используется словосочетание «Тисима ретто» (千島列島, *Chishima rettō*), буквально означающее «тысяча островов».

[7] См. п. 1 Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. Эта декларация, как отмечено в научной литературе, прекратила состояние войны между двумя соседними государствами. Русские Курилы: история и современность (Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы /

Курильские острова, входящие согласно законодательству Российской Федерации в Сахалинскую область[9], – это цепочка вулканических островов, отделяющих Охотское море от иных районов Тихого океана; на островах обнаружены месторождения серы, полиметаллических руд, железа, песков, запасы золота, серебра, ртути, меди, олова, других металлов, включая единственное в мире месторождение рения, а природоресурсный потенциал территории, как отмечено, имеет растущее значение в современных международных правоотношениях[10]. Острова богаты строительными материалами (продуктами вулканической деятельности), обладают энергетическим потенциалом (благодаря геотермальной энергии), а примыкающие морские районы и реки островов, изобилующие лососевыми, другими морскими живыми ресурсами, характеризуются биоразнообразием морской среды[11]. Весь архипелаг состоит из тридцати шести островов и множества скал вулканического происхождения, занимающих площадь 15 600 кв.км[12]. На Курильских островах насчитывается около 100 вулканов, в том числе действующих. Климат на южно-курильских островах мягче, чем на северо-курильских, благодаря теплым океаническим течениям. В их прибрежных водах присутствует множество водорослей, включая ламинарию и красные водоросли (источник агар-агара). Вместе с тем, экономический потенциал спорных островов освоен слабо, проблемы развития экономики указанного региона оцениваются как серьезные, системные, комплексные, не поддающиеся решению исключительно за счет рыночных механизмов регулирования, но непременно требующие привлечения ресурсов государственного бюджета[13]. Сотрудничество с Японией как соседним государством, обладающим необходимыми финансовыми ресурсами и технологиями, выглядит, с точки зрения решения таких проблем, привлекательно. При этом

авт.-сост.: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников (отв. секретарь), С.А. Пономарев. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 186).

[8] Stephan J.J. The Kuril Islands. Russo-Japanese Frontier in the Pacific. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – P. 4. См. также: Современные международные отношения // Авт. кол., отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Аспект-пресс, 2017. – С. 15 и далее.

[9] О. Итуруп относится к Курильскому району Сахалинской области, а о-ва Шикотан, Кунашир и Хабомаи – к Южно-курильскому району. См.: Закон Сахалинской области № 25-ЗО от 23 марта 2011 г. «Об административно-территориальном устройстве Сахалинской области»: (с изменениями и дополнениями). Доступ из правовой базы «Гарант».

[10] См. об этом: Вылегжанин А.Н. Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2002. – 349 с.

[11] По информации на вебсайте Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации; URL: http://www.mnr.gov.ru/maps/?region=65 (дата обращения: 07.11.2017). См. более подробно вебсайт Единой государственной системы информации «Об обстановке в Мировом океане»; URL: http://pacificinfo.ru/data/cdrom/kis/html/4_2_7_3.html (дата обращения: 07.11.2017). См. также: Вылегжанин А.Н. Биоразнообразие морской среды и международное право // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 69 – 81.

[12] Stephan J.J., The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – P. 11 – 21.

[13] Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы». – С. 7, 8 – 9. URL: http://government.ru/docs/19217/ (дата обращения: 07.11.2017).

неоднократные попытки СССР (особенно, в 1956 г.) и России найти взаимоприемлемое решение и усилить экономическое сотрудничество между соседними государствами в районе островов нередко сопровождались критикой как недопустимый дипломатический торг территориями[14], даже противоречащий праву[15].

Бесспорно, взаимные территориальные притязания соседних государств, связанные с понятиями суверенитета[16] и международно-правовой политики государств[17], – это «деликатное» место в международном праве. В их случае нередко ярче, чем в других ситуациях, проявляется журналистский (и даже профессионально-юридический) скептицизм о роли и предназначении международного права в мире, особенно если территориальные споры характеризуются по-разному, лишь на фоне политического волеизъявления отдельно взятого спорящего государства или, что еще печальнее, решаются путем применения вооруженной силы.

В настоящей работе на конкретном, важном для России примере территориального спора показано, что подобный разрушительный скептицизм в международном праве неуместен. Территориальные проблемы – это международно-правовые проблемы, при которых существует два или более возможных решений, которые в большей или меньшей степени соответствуют международному праву. Международное право здесь применяется не только для установления фактов конкретного спора[18], но и для выбора одного из возможных правовых решений согласованным волеизъявлением государств – сторон спора. Поэтому и рассматривать, и решать территориальные проблемы нужно путем корректной реализации всех тех норм международного права, которые применимы в конкретном случае. Международный Суд ООН отметил, рассматривая, например, морские территориальные споры, что каждый такой спор юридически «уникален»[19]. Это можно сказать и о разногласиях в отношении территорий суши, в т.ч. островов.

Изложенное не означает, что следует абстрагироваться от политических реалий; призывать к этому значило бы сделать всякую предлагаемую модель урегулирования

---

[14] Русские Курилы .... – С. 180.

[15] Там же. – С. 176, 230 – 233, 262 – 264.

[16] Crawford J. Chance, Order, Change: The Course of International Law. – The Hague: Hague Academy of International Law, 2014. – P. 86 – 114. Вылегжанин А.Н. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права / Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в 3-х томах. Т. 2. Гл. ред. И.С. Иванов. – М.: НП РСМД, 2015. – С. 418 – 433.

[17] См.: Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. – 2016, № 4. – С. 21 – 37.

[18] Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 27 – 28, 282 – 299.

[19] См. подробнее в: Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 18 – 19, 40.

территориального спора утопией. Напротив, как будет показано далее, нормы действующего международного права, применимые к территориальным спорам, позволяют охватить все обстоятельства конкретной рассматриваемой ситуации, в т.ч. политические. Судебная и арбитражная практика разрешения территориальных споров включают учет и тех обстоятельств, которые традиционно относят к не правовым, а политическим соображениям (*policy considerations*)[20].

Важных правовых и неправовых факторов в случае российско-японских разногласий спора немало. Помимо большого количества международных документов, заключенных на протяжении длительного существования разногласий, требуется корректно представить национальные интересы России и Японии, которые, в конечном плане, и обусловливают правовое значение спорных территорий и, соответственно, нежелание двух государств отступиться от своих ранее заявленных правовых позиций[21]. В публикациях – и в России, и в Японии – в первую очередь отмечаются приоритетные интересы соответствующего государства – стратегические и военные: суверенитет над южно-курильскими островами означает выход в Тихий океан для Тихоокеанского флота ВМФ России, который базируется во Владивостоке[22]; кроме того, острова отличаются выгодным географическим расположением, образуя своеобразный «пояс безопасности» для континента[23]. Для Японии же, в контексте ее военно-стратегических интересов, южно-курильские острова ранее служили базой для нападения на Пёрл-Харбор (США) в 1941 г. Современные экономические интересы обоих спорящих государств связаны и с потенциалом 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ) вокруг этих островов, последствиями реализации суверенитета не только над богатыми запасами полезных ископаемых на суше, но также и над морскими минеральными и живыми ресурсами в территориальном море и на континентальном шельфе вокруг островов[24]. Немаловажно и то, что разрешение данных разногласий может повлечь последствия для других

---

[20] Kaikobad K.H. Some Observations on the Doctrine of Continuity and Finality of Boundaries // British Year Book of International Law, 1983. – London, 1985. – Vol. 54, 1. – P. 140.

[21] Eveno C. Le contentieux des îles Kouriles / Centre d'Études Supérieures de la Marine. – [S.l., s.a.]. – P. 13 – 18.

[22] Важны не только сами острова и их бухты как места для проведения военных и военно-морских операций, но и около 20 судоходных проливов между ними (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 185 – 186).

[23] См. в целом: Тимохин К.В. Островные территории в международном праве и практике Международного суда ООН: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2008. – С. 50; Kazumine A. The Strategic Value of Territorial Islands from the Perspective of National Security // Review of Island Studies. October 9, 2013. Translated from "Toshono senryakuteki kachi" = Tosho Kenkyu Journal, Vol. 1 (June 2012), p. 54–69. URL: http://islandstudies.oprf-info.org/research/a00008/ (дата обращения: 07.11.2017); Takahashi R.M. The Kuriles: Passage or Obstruction to Regional Peace? // International Law Studies. – 1991, Autumn. – Vol. 68: Readings on International Law from the Naval War College Review, 1978-1994. Reprinted from the Naval War College Review. – P. 232, 237.

[24] Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим) / А.Н. Вылегжанин; Предисловие академика РАН А.Г. Гранберга. – М., 2001. – С. 9 и далее; Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 6, 48 – 49, 52 – 53.

споров. Для России, по мнению некоторых авторов, уступка островов в пользу Японии способна «пробудить» территориальные притязания на другие российские территории, например, Калининградскую область, Карельский перешеек[25]. Если же Япония откажется от притязаний на южно-курильские острова, то Южная Корея или КНР могут заявить, что она должна отказаться и от своих притязаний на о. Такэсима (кор. Токто)[26] и о-ва Сенкаку (кит. Дяоюйдао)[27]. Наконец, аналитики (и в России, и в Японии) считают, что отстаивание собственной международно-правовой позиции – это вопрос национальной чести и исторической справедливости. Большинство населения России воспринимает занятие островов в 1945 г. как легитимную реализацию международно-правовой ответственности Японии за агрессию во время Второй мировой войны[28]. Японское население, со своей стороны, желает «восстановить справедливость» – добиться возврата четырех южно-курильских островов Японии, переданных ей Симодским трактатом от 7 февраля 1855 г.; в честь этого 7 февраля с 1981 г. празднуется как «День Северных территорий». Последние социальные опросы, проведенные в России и Японии, показывают, что 78% россиян возражают против передачи спорных островов Японии[29]; в Японии же за возврат Северных территорий выступает 25% населения[30].

Как в советское, так и в настоящее время правоведы и иные специалисты трудились и трудятся над этой территориальной проблемой. Зачастую в их исследованиях, однако, упускаются правовые нюансы позиции Японии. Отсутствуют глубокие исследования ее международно-правовых доводов, в особенности тех, которые предметно представлены и проанализированы в зарубежной международно-правовой литературе. Последняя заслуживает

---

[25] Курицын В.М. Проблема Курильских островов // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 5 – 6.

[26] Bowman G. Why Now Is the Time to Resolve the Dokdo /Takeshima Dispute // Case Western Reserve Journal of International Law. – 2013. – Vol. 46. – P. 443 – 462.

[27] Eveno Ch. Op. cit. – P. 25 – 26; Heflin W.B. Diyaou /Senkaku Islands Dispute: Japan and China, Oceans Apart // Asian-Pacific Law & Policy Journal. – 2000. – Vol. 1. – P. 1 – 10, 18 – 22.

[28] См. например: А.Н. Вылегжанин, Г.В. Игнатенко, А.Ю. Скуратова. Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения // Российский ежегодник международного права, 2010. — СПб.: Россия-Нева. — Т. 2011. — С. 9 – 27.

[29] Опрос был проведен в мае 2016 г. «Левада-центром» «по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 800 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны». Также важно упомянуть, что от решения проблемы зависит и рейтинг руководства страны. Так, 32% участников опроса признали, что рейтинг Президента Путина «значительно снизится» в случае передачи Японии всех четырех островов. (URL: http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/ (дата обращения: 07.11.2017)).

[30] Опрос проводился одной из крупнейших национальных газет «Майнити Симбун» в начале ноября 2016 г. среди «1 540 семей с членами в возрасте более 18 лет по всей стране, исключая жителей запретных зон вокруг АЭС Фукусима-1». При этом «ответило всего 949 человек, или 62 процента [опрошенных]». 57% опрошенных граждан Японии высказались, что Японии не следует настаивать на возврате всех четырех островов. В 2013 г. эти показатели составили 29% (за возврат всех четырех островов) и 67% (за гибкость в определении позиции) (URL: http://mainichi.jp/english/articles/20161107/p2a/00m/0na/019000c (дата обращения: 07.11.2017)).

самого пристального внимания. Представляется, что академическое исследование относимых к спору факторов и правовых аргументов на основании критического сопоставления заявленных международно-правовых позиций спорящих государств, а также правоведов, в том числе представляющих разные правовые системы, повышает шансы на формулирование полной и более перспективной правовой концепции разрешения данного спора.

Сейчас наблюдаются новые политико-правовые попытки сближения России и Японии в трудном вопросе заключения мирного договора и разрешения рассматриваемых территориальных разногласий. В мае 2016 г. состоялись переговоры между Президентом России В.В. Путиным и Премьер-министром Японии С. Абэ. Помимо общей информации о том, что переговоры затронули вопрос мирного договора с Японией, их содержание раскрыто не было. Это дало повод для различных предположений, в т.ч. и о том, что российское руководство вновь, как это было в 1956 г., рассматривает возможность передачи Японии части спорной территории. Позднее эта информация была опровергнута; Президент России заявил: «Мы не связываем одно с другим (т.е. мирный договор с уступками – *Е.Н.*), мы обсуждаем все опции, все направления отношений»[31]. Источник из МИД России прокомментировал «слухи», отметив, что «примитивно» считать, что «новый подход» заключается в передаче островов в обмен на экономическую помощь[32]. Напомним, что предложение российской стороны в 2010 г. создать в регионе свободную экономическую зону было отвергнуто Японией, не желающей ни на шаг отступить от требования по немедленному возврату спорных территорий[33]. Иными словами, для выхода из тупикового состояния и достижения приемлемого компромисса, к которому неоднократно призывало российское руководство[34], потребуется качественно новый международно-правовой подход к решению российско-японских разногласий о южно-курильских островах. Намерение двух государств выработать такое решение в форме договоренности о совместном хозяйственном освоении указанных территорий, подтвержденное в ходе последних переговоров в Токио и Нагато 15 – 16 декабря 2016 г.,[35] в современных условиях будет способствовать смягчению остроты этого вопроса. Более того, совместное

---

[31]Путин отверг готовность «продать» Курильские острова, 20.05.2016 [Электронный ресурс] // РБК-Daily. URL: http://www.rbc.ru/politics/20/05/2016/573f1c229a79472926ea774f (дата обращения: 07.11.2017).

[32] Там же.

[33] Eveno Ch. Op. cit. – P. 23.

[34] В.В. Путин в прошлом использовал для оценки этого подхода термин «хикивакэ», означающий ничью. При этом позиция его оценивается как крайне твердая – Россия не намерена передавать Кунашир и Итуруп, и даже о передаче островов Хабомаи и Шикотана не может идти речи. См.: Hakamada S. On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan, 28 February 2013 // GFL Commentary. – P. 3 – 4.

[35] См.: Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 1, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

хозяйственное освоение южно-курильских островов с Японией объективно выгодно для России как уникальная возможность построить на этих территориях новую модель экономического роста и процветания. С учетом широкой критики недостатков построенной с 1991 г. в России модели управления экономикой, в том числе высказываемой крупными государственными и общественными деятелями[36], прежде всего из-за неэффективности этой модели, огромного числа аварий на транспорте и в жилищно-коммунальном хозяйстве, влекущих человеческие жертвы, усугубления разрыва между уровнем жизни богатого меньшинства россиян и беднеющего большинства населения (что социально опасно для российского государства), построение иного экономического порядка, пусть и в ограниченных пределах южно-курильских островов, видится как соответствующее стратегическим национальным интересам России, как реальная возможность создать находящуюся под суверенитетом России территорию экономического роста и инноваций, изъятую из налаженных чиновниками схем коррупции, вымогательства и рейдерских захватов. Такой комфортный для предпринимателей России и Японии порядок управления хозяйственной деятельностью, стабильность которого обеспечивается российско-японским договором, может в дальнейшем быть использован для улучшения существующей сегодня модели управления российской экономикой. То есть «оазисный» экономический правопорядок – на маленькой территории – может улучшить модель экономического управления, сложившуюся в целом в стране. Именно это было достигнуто благодаря Совместной китайско-британской декларации по вопросу о Гонконге, учредившей особый экономический и социальный правопорядок на территории «Специального административного района Гонконг» под суверенитетом КНР, привлекательный для инвесторов и инноваций, сохраняющий свое значение в качестве финансового центра[37], и способствовавший тому, чтобы КНР в относительно короткий срок стала государством с передовой экономикой, заняла лидирующие позиции по ряду направлений. В таком контексте англо-китайский договорно-правовой опыт заслуживает исследовательского внимания для поиска взаимовыгодного решения Россией и Японией южно-курильского вопроса.

---

[36] Греф назвал госуправление основной проблемой России. 18.06.2015 [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2015/06/18/grefmanagement (дата обращения: 07.11.2017); Кудрин рассказал об «отставании» системы госуправления в России. 08.07.2017 [Электронный ресурс] // РБК Daily. URL: https://www.rbc.ru/economics/08/09/2017/59b24fcf9a794723bd7f63e4 (дата обращения: 07.11.2017); Татьяна Голикова: Инвалид на Bentley не должен претендовать на соцпомощь, 16.02.2018 [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/interview/20180216/1514772020.html (дата обращения: 18.02.2018).

[37] См., напр.: MacIntyre T.S. Impact of the Sino-British Agreement on Hong Kong's Economic Future // Journal of Comparative Business and Capital Market Law. – 1985. – Vol. 7. – P. 197 – 213; Husain A.M. Hong Kong, China in Transition // Finance & Development. – 1997. – P. 4 – 6; Wong Y.-C. R. The role of Hong Kong in China's Economic Development // ICSEAD Public Lectures on Asia Series (Ajia Kouza). – 2002. – P. 1 – 13.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования

В отечественной науке отсутствуют комплексные исследования территориального спора между Россией и Японией о международно-правовом режиме южно-курильских островов, в которых давался бы анализ официальных документов и доктринальных мнений, представленных и в России, и в Японии, и в западной науке международного права.

Общие международно-правовые вопросы территории рассматривали в своих трудах, прежде всего, Ю.Г. Барсегов, А.Н. Вылегжанин, Ф.И. Кожевников, Б.М. Клименко, А.С. Орлов, Г.И. Тункин, М.В. Яновский. Среди перечисленных авторов наиболее подробный анализ вопросов, связанных с международно-правовым режимом территории, содержится в работах Б.М. Клименко (о государственной территории, границах и мирном разрешении территориальных споров) и Ю.Г. Барсегова (о понятии и статусе территории). Современное содержание проблем территориального суверенитета, а также способов и оснований приобретения территории, раскрывалось в диссертационных исследованиях С.В. Гузея, Л.Х. Коче, Т.Ч. Но, К.В. Тимохина.

Правовая позиция именно Российской Федерации по спору о суверенитете над южно-курильскими островами излагалась в работах С.Н. Бабурина, В.Н. Еремина, В.В. Ермошина, В.М. Курицына, И.А. Латышева, Г.М. Мелкова, В.С. Михайлова, С.М. Пунжина, В.С. Симкина, Ю.Б. Улановского, В.Б. Чамарова. Специальные научные публикации о международно-правовых аспектах данного спора именно в последние годы принадлежат авторству прежде всего таких авторитетных ученых, как В.В. Гаврилов и О.Н. Хлестов. В работе учтены также исследования этого вопроса Р.В. Винниковой, О.И. Ильинской, Б.И. Ткаченко.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в исследовании, обобщении, сопоставлении и критическом анализе существующих в зарубежной и отечественной международно-правовой литературе правовых оценок позиций России и Японии в рамках спора о суверенитете над южно-курильскими островами. Выводы исследования призваны лечь в основу научной концепции совместного хозяйственного освоения данных территорий, которая может стать существенным шагом к разрешению территориальной проблемы в соответствии с действующим международным правом и способствовать снижению в России критики действующей модели управления экономикой, продолжающегося разрыва в экономическом положении россиян и приватизации 1990-х годов.

Для достижения цели исследования диссертантом поставлены следующие задачи:

– обобщение современных международно-правовых доктринальных взглядов об основаниях приобретения, сохранения, передачи и утраты правового титула на территорию согласно международному праву, критический анализ таких взглядов;

– исследование и анализ, в контексте российско-японского территориального спора, применимой практики международных судов и арбитражей, прежде всего, Международного Суда ООН, по разрешению территориальных споров, выявление применимых правовых механизмов разрешения таких споров и концепции их разрешения;

– исследование, обобщение и анализ доктринальных правовых оценок позиций России и Японии в споре о суверенитете над южно-курильскими островами;

– прогнозирование возможных вариантов исхода спора о суверенитете над южно-курильскими островами;

– выявление юридических сильных и малоубедительных составляющих разработанных зарубежной и отечественной доктриной концепций разрешения спора о суверенитете над южно-курильскими островами;

– изучение опыта заключения совместной китайско-британской договоренности по вопросу о статусе Гонконга;

– анализ советско-японских и российско-японских договоренностей о ведении совместного промысла морских живых ресурсов в районе южно-курильских островов;

– подготовка научной концепции совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов; и

– разработка рекомендаций по заключению международного договора между РФ и Японией о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов как особого экономического режима, наиболее комфортного для развития российского бизнеса, в т.ч. малого, и повышения условий жизни населения указанных территорий.

Научная новизна диссертационного исследования

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена отсутствием в современной отечественной международно-правовой литературе комплексных исследований международного права о спорных южно-курильских островах, в ходе которых была бы не только проанализирована и обобщена последняя по времени практика и зарубежная международно-правовая литература о разрешении территориальных споров, но и, с учетом зарубежного договорно-правового опыта, предложена концепция взаимовыгодного для спорящих государств особого режима экономической деятельности на островах.

Объект исследования

Объектом диссертационного исследования являются отношения России и Японии в связи со спором о суверенитете над южно-курильскими островами, а также связанные с этим действия третьих государств (прежде всего, США и КНР). В более общем смысле в объект исследования также входят отношения между государствами, государствами и

международными организациями, органами международного правосудия, в связи с разрешением споров о суверенитете над территориями.

Предмет исследования

Предмет диссертационного исследования составляют положения международных договоров, международные обычаи, общие принципы международного права, международная судебная и арбитражная практика и юридическая доктрина по вопросам приобретения и передачи титула на территорию, разрешения территориальных споров в целом и спора о суверенитете над южно-курильскими островами в частности. Особое внимание в рамках предмета исследования занимают правовые оценки зарубежными правоведами территориальных разногласий России и Японии о суверенитете над южно-курильскими островами.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость исследования состоит в приращении научного знания об основных руководящих принципах разрешения международных территориальных споров на основании материалов современной зарубежной международно-правовой литературы и судебной и арбитражной практики в контексте поиска научно обоснованной концепции разрешения российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами. Материал диссертации может быть полезен в научно-исследовательских целях, в процессе преподавания международного права, при разработке учебных пособий и курсов по международному праву, написании дипломных и курсовых работ в высших учебных заведениях.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать его положения и выводы для уточнения современной международно-правовой политики Российской Федерации по отношению к Японии в целом и ее позиции в отношении южно-курильских островов в частности, для разработки ответов на аргументы зарубежных оппонентов в рамках рассматриваемой территориальной проблемы. Диссертантом предлагается концепция разрешения российско-японской проблемы, нацеленная на заключение комплексного двустороннего международного соглашения о создании специального автономного округа на территории южно-курильских островов. Такая концепция представляется особенно значимой ввиду объявленного Президентом Российской Федерации

курса к сотрудничеству с Японией в данной области именно на основании «отдельного международного договора»[38].

Методологическая основа диссертации

Методологической основой исследования послужили системный, сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-правовой методы, а также методы функционального, логического и структурного анализа. Выводы исследования в части разрешения российско-японских разногласий о суверенитете над южно-курильскими островами, сделанные по итогам изучения международно-правовых документов, практики, а также зарубежной и отечественной правовой литературы, основываются не только на «текстуально-нормативном подходе» (*textual-rule-based mode*), но и на «практико-контекстуальном подходе» (*policy-context-based mode*), который требует ориентации на изучение и учет широкого контекста соответствующей проблемы, включая общественно-этические ценности, на которых должен быть основан конечный результат, и вероятность принятия того или иного решения[39].

Теоретическая основа диссертации

Теоретическую основу исследования составляют, прежде всего, классические труды по международно-правым вопросам территории отечественных и западных юристов, начиная с Г. Гроция, Э. Ваттеля, Дж. Вестлейка, Л. Оппенгейма, С. Пуфендорфа, Н.М. Коркунова, В.А. Незабитовского, Ф.Ф. Мартенса. Особое значение для работы имела современная международно-правовая теория суверенитета государства, в том числе территориального, отраженная в монографиях и учебных пособиях Ф.М. Кожевникова, Ю.Г. Барсегова, Б.М. Клименко, Ю.М. Колосова, А.Н. Вылегжанина, Ю.Н. Малеева, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорда, Г.И. Тункина, М. Райзмана, Р. Дженнингса, А. Кашоровски, М. Шау, С. Шармы.

Нормативную базу исследования составляют применимые международно-правовые и иные официальные документы, относящиеся к общим международно-правовым вопросам территории и к двусторонним российско-японским отношениям по проблеме южно-курильских островов.

По результатам исследования автор выносит на защиту следующие положения:

1. Выявлено, что международно-правовые доводы Японии в пользу ее притязаний на суверенитет над южно-курильскими островами, которые разделяются в международно-

---

[38] См.: Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), пп. 1 и 3, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

[39] Reisman W.M. The Quest for World Order and Human Dignity in the Twenty-First Century: Constitutive Process and Individual Commitment. General Course on Public International Law. – Hague: Hague Academy of International Law, 2012. – P. 177-190.

правовой позиции США и западных международно-правовых публикациях, но неприемлемы для Российской Федерации, сводятся к следующему. *Во-первых*, Япония, как утверждается, «открыла» и «заняла» южно-курильские острова раньше России и, таким образом, острова являются «исконными» японскими территориями. *Во-вторых*, Трактат о торговле и границах, заключенный 26 января 1855 г., и Трактат, заключенный 25 апреля / 7 мая 1875 г., на основании которых Япония получила все Курильские острова (в обмен на часть острова Сахалин), продолжили действовать после русско-японской войны 1904-1905 гг. и являются основанием сохраняющегося правового титула Японии на южно-курильские острова. *В-третьих,* поскольку Курильские острова были приобретены мирным путем на основании Трактатов 1855 и 1875 гг., они не подпадают под Каирскую декларацию 1943 г., в рамках которой США, Китай и Великобритания договорились об отторжении у Японии после ее поражения территорий, захваченных ею при помощи силы. *В-четвертых*, Ялтинское соглашение 1945 г. не имеет силы для Японии, поскольку Япония в нем не участвовала и не знала о нем (оно является «секретным соглашением»), оно представляет собой выражение общих намерений Союзных государств, но не обязывающий международный договор, и в нем не определено понятие «Курильские острова». *В-пятых,* вступив в войну с Японией 1945 г., СССР нарушил Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 1941 г., продолжавший действовать до апреля 1946 г. в соответствии с его положениями. Поэтому, а также поскольку согласно предшествующим доводам у СССР не было иных законных правовых оснований заявлять о принадлежности ему южно-курильских островов, занятие и удержание советскими войсками южно-курильских островов в августе-сентябре 1945 г. представляет собой незаконную оккупацию в нарушение положений Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. о запрете территориальной экспансии. *В-шестых*, Потсдамская декларация глав правительств США, Великобритании и Китая 1945 г. явно не исключила Курильские острова из суверенитета Японии; а Сан-Францисский договор 1951 г. СССР не подписал и не ратифицировал, поэтому, дескать, не вправе обосновывать им свои правопритязания. И, наконец, *седьмой* довод гласит, что термин «Курильские острова» в Статье 2 Сан-Францисского договора не охватывает спорные южно-курильские острова.

2. Критическое международно-правовое исследование диссертантом приведенных доводов Японии по вопросу о суверенитете над южно-курильскими островами позволило сформулировать следующие международно-правовые контр-аргументы. *Во-первых*, имеющиеся исторические свидетельства и факты не подтверждают правовой титул Японии на южно-курильские острова в свете применимых международно-правовых доктрин первооткрытия и первоосвоения XVIII-XIX вв. Такой титул возник только на основании Трактатов 1855 и 1875 гг. *Во-вторых*, хотя Трактаты 1855 и 1875 гг. не прекратили действие ввиду Русско-японской

войны 1904 – 1905 гг., существуют убедительные свидетельства того, что термин «Курильские острова» в этих документах толковался как охватывающий южно-курильские острова. *В-третьих*, Япония не может усилить свой территориальный титул на острова ссылками на несоблюдение СССР порядка выхода из Пакта о нейтралитете 1941 г., поскольку Япония не выполняла свои обязательства по Пакту при его надлежащем толковании, начав войну против союзника СССР во Второй мировой войне (а именно, США). *В-четвертых*, Союзные державы (СССР, США, Великобритания) договорились отторгнуть у Японии в наказание за ее агрессию некоторые территории по своему абсолютному усмотрению; а именно: по Каирской декларации 1943 г. Японию планировалось лишить «всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 г.»; территорий, «которые Япония отторгла у китайцев»; «всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» [40]. Далее, во исполнение Каирской декларации 1943 г., в Потсдамской декларации 1945 г. Союзные державы предусмотрели, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»[41]. В Акте о безоговорочной капитуляции Японии 1945 г. она приняла «условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме», тем самым признав абсолютное усмотрение Союзных держав на определение своего территориального состава и согласившись, что СССР входил в число четырех держав, которые «будут впоследствии именоваться Союзными державами».[42] Ссылки на положения о запрете территориальной экспансии в Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. ошибочны, поскольку Союзные державы правомерно действовали в соответствии с признанным Японией усмотрением при определении ее послевоенного территориального состава. *В-пятых*, отторжение у Японии Курильских островов и передача их Советскому Союзу были закреплены

---

[40] Цит. по: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955 г. – Вып. 11. – С. 105 – 106. Оригинальный текст (Cairo Communiquè, December 1, 1943. Japan National Diet Library. URL: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/002_46/002_46_001r.html (дата обращения: 07.11.2017)): “It is their purpose that Japan shall be stripped of all the islands in the Pacific which she has seized or occupied since the beginning of the first World War in 1914, and that all the territories Japan has stolen from the Chinese.... Japan will also be expelled from all other territories which she has taken by violence and greed”.

[41] Оригинальный текст (Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. – The Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 318, July 29, 1945): “8. The terms of the Cairo Declaration shall be carried out and Japanese sovereignty shall be limited to the islands of Honshu, Hokkaido, Kyushu, Shikoku and such minor islands as we determine”.

[42] Выдержка из оригинального текста (Instrument of Surrender. 2 September 1945. Accepted at Tokyo Bay, Japan at 0903 on the second day of September, 1945, for the United States, Republic of China, United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics, and in the interests of the other United Nations at war with Japan // URL: http://avalon.law.yale.edu/wwii/j4.asp (дата обращения: 07.11.2017)): “We, acting by command of and in behalf of the Emperor of Japan, the Japanese Government and the Japanese Imperial General Headquarters, hereby accept the provisions set forth in the declaration issued by the heads of the Governments of the United States, China, and Great Britain on 26 July 1945 at Potsdam”.

Союзными державами в их Ялтинском соглашении 1945 г., которое является международным договором и не утрачивает обязательной силы ввиду секретности его положений на момент заключения. Свои обязательства по нему СССР исполнил, вступив в войну против Японии. Ссылки Японии на последующий отказ США от их обязательств по этому соглашению[43] не влияют на его действительность. *В-шестых*, южно-курильские острова были отторгнуты у Японии в силу Статьи 2 Сан-Францисского мирного договора 1951 г. в составе понятия «Курильские острова», толкуемого с учетом подготовительных материалов к Сан-Францисскому мирному договору, документов по его имплементации Японией, заявлений и иных документов США и Великобритании. *В-седьмых*, в силу принципов нерушимости границ и эффективного контроля, запрещающих в одностороннем порядке изменять фактически сложившееся положение, Россия обладает более сильным правовым титулом в отношении южно-курильских островов, которые уже в течение нескольких десятилетий фактически находятся под российским суверенитетом.

3. Выявлены правовые последствия осуществления совместного промысла биоресурсов в морских районах, прилегающих к спорным южно-курильским островам, на базе Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии по ведению рыбопромысловых операций от 7 июня 1975 г., Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 г., Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережья обеих стран от 7 декабря 1984 г., Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами 2012 г., а также Соглашения между Минрыбхозом СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле морской капусты японскими рыбаками 1981 г. Указанные соглашения имели благотворный эффект на отношения России и Японии, в особенности в периоды большей напряженности, и должны быть взяты в качестве отправных правовых механизмов при выработке современной международно-правовой основы совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов. Учитывая намерения и России, и Японии вести такую деятельность, сохраняя при этом неизменными их различающиеся правовые позиции по вопросу о суверенитете над южно-курильскими островами, особое внимание должно быть уделено содержащимся в названных

---

[43] См. заявление Сената США от 20 марта 1952 г., принятое при ратификации Сан-Францисского мирного договора (Memorandum, Kurile Islands, State Dep’t Decimal File No. 661.941/8-356, State Dep’t Records, Record Group 59 (Aug. 3, 1956)).

двусторонних соглашениях защитным клаузулам, предусматривающим, что экономическая деятельность, ведущаяся в соответствии с этими соглашениями, не влияет на соответствующие международно-правовые позиции сторон. Международный договор о совместном хозяйственном освоении должен учитывать такие клаузулы.

4. Предложена авторская концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, основанная на договорно-правовом опыте совместной российско-японской рыбохозяйственной практики и учитывающая опыт двустороннего согласования и имплементации Китайско-британской совместной декларации по вопросу о статусе Гонконга, согласно которой учрежден Специальный административный район Гонконг. Обозначены международно-правовые составляющие, которые должны найти отражение в российско-японском соглашении о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов, в том числе учреждение совместного российско-японского органа, обладающего автономными полномочиями по регулированию совместной хозяйственной деятельности на этих островах, учет воли российского населения, прежде всего, Сахалинской области и южно-курильских островов, в согласовании и реализации концепции совместного хозяйственного освоения спорных островов.

Степень достоверности и апробация результатов

Диссертационное исследование было подготовлено, обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры международного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». Основные положения и заключения работы отражены в трех научных публикациях в рецензируемых изданиях из перечня ВАК, а также составили основу для содействия в подготовке справки для Министерства иностранных дел РФ о концепции разрешения российско-японского территориального спора. Отдельные выводы диссертационного исследования также излагались диссертантом на международной научной конференции, посвященной 25-летию Московского журнала международного права, состоявшейся 7 декабря 2017 г. в МГИМО МИД России, на 61-м Ежегодном Собрании Российской Ассоциации международного права в рамках круглого стола «Современные территориальные споры и международно-правовые основания их разрешения» 30 января 2018 г., а также в ходе преподавания международного права в МГИМО МИД России.

Структура работы

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, подразделенных на параграфы, заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; освещается степень ее научной разработанности; определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, методологическая, теоретическая и эмпирическая основы исследования; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту; а также приводятся данные об апробации результатов диссертационного исследования.

Первая глава «Принципы изменения правового титула на территорию в международном праве» посвящена выявлению содержания основных понятий, используемых в международно-правовой теории о правах на территорию; обобщению и систематизации классических и современных доктрин о способах изменения прав на территорию; и определению метода разрешения территориальных споров на основании указанного анализа.

В первом параграфе первой главы «Обзор ключевых понятий, употребляемых в международном праве о территории» диссертант концентрируется на понятиях «территории», «правового титула» на территорию и «территориального спора» в свете международной судебной и арбитражной практики и юридической литературы.

Под «территорией» понимаются физические рамки осуществления суверенных полномочий государства. Территория является неотъемлемым признаком государственности и подразделяется на сухопутную территорию, морское и воздушное пространство.

Понятие «правового титула» на территорию означает совокупность правомочий и прав требования (притязаний) на территорию, которые суверен может осуществлять во исключение всех прочих субъектов. В международном праве правовой титул относителен: его наличие у одного государства всегда рассматривается против доказанности притязаний другого[44].

Хотя правоведы проводят различие между «территориальным спором» и «территориальными разногласиями», это различие неблагоприятно для международного права и отношений. По мнению диссертанта, территориальный спор объективно существует при наличии явных правовых притязаний двух или более государств на одну территорию.

---

[44] *Legal Status of Eastern Greenland (Denmark v. Norway), P.C.I.J. Reports*, Series A/B, No. 53, P. 46; *Island of Palmas Case (or Miangas), United States v Netherlands*, Award, (1928) II RIAA 829, P. 869; *Clipperton Island Case (France v. Mexico)* (1931) 2 R.I.A.A. 1105, P. 1108 – 1111; *Eritrea v Yemen, Award on Territorial Sovereignty and Scope of the Dispute*, (1998) XXII RIAA 211, para. 453 – 457; *Rann of Kutch (India v. Pakistan)* (1968) 17 R.I.A.A. 553, P. 135 – 136, 674 – 675, 690; *The Minquiers and Ecrehos case*, Judgment of November 17th, 1953: I.C.J. Reports 1953, P. 67; *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001*, P. 40, *Joint Dissenting Opinion of Judges Bedjaoui, Ranjeva and Koroma*, P. 153, para. 14.

Во втором параграфе первой главы «Характеристика «классических» международно-правовых доктрин об изменении правового титула на территорию» диссертант рассматривает пять «классических» способов приобретения территории.

Завладение (*occupation*) как основной способ приобретения «ничьей» территории (*terra nullius*) к середине XVI века заменило способы первооткрытия и символической аннексии и требует мирного осуществления государством над территорией действий, «которые относятся к осуществлению юрисдикции и местного управления и законодательства»[45].

Приобретательская давность (*prescription*) предполагает мирное, непрерывное и длительное осуществление суверенных действий над территорией, принадлежащей другому государству, при бездействии последнего. Срок владения обусловлен обстоятельствами конкретной ситуации. Завладение и приобретательскую давность иногда объединяют в категорию «исторической консолидации титула» (*historic consolidation*), подчеркивающую, что приобретение титула представляет собой процесс. Еще одна схожая доктрина, – доктрина «исторического титула» (*historic title*), не представляющая независимое основание правового титула; в спорах о сухопутных территориях она применяется редко.

Цессия (*cession*) – это договорное основанием передачи прав на территорию с или без встречного предоставления. Некоторые правоведы квалифицируют мирные договоры, содержащие положения об отторжении территорий, как договоры цессии.

Завоевание (*conquest*) в настоящий момент утратило свое значение как действительный способ приобретения территории ввиду запрета применения силы для присвоения территории.

Наконец, аккреция (*accretion*) представляет собой приращение территории в результате природных или рукотворных процессов.

Диссертантом также рассмотрены применяемые в практике разрешения территориальных споров доктрина интертемпорального права, требующая оценки исторических фактов в свете современных им правовых норм, и доктрина критической даты, которая определяется как дата «кристаллизации» спора и служит в качестве точки «отсечения», после которой события и действия государств не принимаются для оценки силы их притязаний.

В третьем параграфе первой главы «Современные тенденции международно-правового решения вопросов территории» диссертант анализирует нормативные принципы запрета применения силы, права народов на самоопределение, стабильности и эффективности (или – нерушимости границ, эффективного контроля).

---

[45] *Minquiers and Ecrehos*, P. 65. *См.* также *Decision Regarding Delimitation of the Border between The State of Eritrea and The Federal Democratic Republic of Ethiopia*, Eritrea-Ethiopia Boundary Commission, 13 April 2002, P. 28 – 29.

Статья 2(4) Устава ООН исключает угрозу силой или ее применение против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства[46]. Притязание, основанное на нарушении этого запрета, никогда не консолидируется в правовой титул, хотя в юридической доктрине высказываются предположения, что консолидация все же должна происходить в целях сохранения стабильности при эффективном осуществлении суверенитета над захваченной территорией в течение длительного времени.

Принцип права народов на самоопределение, признаваемый императивной нормой международного права и порождающий обязательство *erga omnes*[47], предписывает учитывать волю населения территории при любых решениях о передаче прав на нее.

Системообразующими в международно-правовом регулировании вопросов территории являются принципы стабильности границ и эффективности. Вместе, эти принципы минимизируют изменения сложившегося фактического положения. Эффективность занимает центральное место среди принципов, регулирующих вопросы территории, и ограничена действием названных трех принципов. Ее пространственное проявление – доктрина сопредельности (*contiguity*), согласно которой в случае соединенных территорий для формирования правового титула на все из них может быть достаточно эффективного владения одной или частью таких территорий. Эффективность обладает и временным аспектом: так, на стадиях возникновения и поддержания правового титула требуется различный уровень эффективного контроля. На практике эффективность выражается в презумпции бóльшей силы притязания государства, осуществляющего эффективный контроль над территорией.

Производные концепции молчаливого признания (*acquiescence*) и эстоппеля (*estoppel*) позволяют не допустить несправедливое изменение сложившейся ситуации и содействуют судье или арбитру в оценке обширных материалов рассматриваемого спора.

Молчаливое признание может породить у одного государства правовой титул в случаях бездействия и незаявления или несвоевременного заявления протеста другим. Молчаливое признание требует тщательного доказывания и может быть выражено только в совокупности официальных заявлений или действий компетентных органов государства, где ясно и недвусмысленно делается признание. Данный принцип неоднократно учитывался в судебной и арбитражной практике, но никогда не становился единственным основанием правового титула на территорию. Отдельно отмечается, что факт незаявления протеста против карт другого государства, на которых территория обозначена как принадлежащая ему, не влечет молчаливое признание. Наконец, немаловажно, что молчаливое признание, как и приобретательская

---

[46] United Nations, *Charter of the United Nations*, 24 October 1945, 1 U.N.T.S. XVI, Art. 2(4).

[47] *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90, para. 29.

давность, способно «излечить» некоторые пороки правового титула, но не нарушение императивных норм международного права, например, запрета применения силы.

Согласно принципу эстоппеля сторона, которая «явно сделала или согласилась на определенное заявление, на которое другая сторона впоследствии положилась в ущерб себе или к выгоде первой», лишается права возражать против своего первоначального заявления[48]. Применение эстоппеля в контексте территориальных вопросов требует недвусмысленного признания принадлежности территории другой стороне, например, в международных соглашениях или в географических картах[49] (с учетом оговорки выше), и исключительно в качестве одного из, но не единственного свидетельства правового титула.

Действенными способами препятствовать формированию правового титула у другого государства на основании указанных концепций, согласно доктрине, остаются дипломатический протест и временная договоренность (*modus vivendi*) государств в отношении спорных территорий с оговоркой, что действия в рамках нее не будут влиять на их позиции.

В поиске компромиссных решений территориальных споров государства, суды и арбитражи опираются также и на неправовые факторы (*policy considerations*), такие как наличие договоров между спорящими сторонами, история спора, традиционные права, владение, воля населения, этнографические и социальные факторы, экономические, географические, стратегические факторы, политические и государственные интересы, удобство и необходимость (потребность в территории или ресурсах), и справедливость.

Исходя из вышеизложенного, диссертант предлагает двухэтапный метод разработки решений для конкретных территориальных споров:

Первый этап – анализ обстоятельств спора и его международно-правовая оценка для установления того, какое из государств обладает лучшим правовым титулом на территорию с позиции международного права, что предполагает выполнение следующих задач:

А. Изучение фактов, включая: 1) характер и природу спорных территорий; 2) историю освоения территорий; 3) историю спора; 4) цели и интересы сторон в споре по отношению к территориям; 5) рамки текущих переговорных позиций сторон; 6) факторы, влияющие на переговорные позиции сторон; 7) отношение населения сторон к спору; 8) отношение (включая карты) заинтересованных третьих государств.

Б. Изучение вопросов права, в том числе: исследование применимого общего международного права; правовая оценка позиций сторон, включая: 1) определение круга

---

[48] The Library of Essays in International Law. Title to Territory / Shaw M.N. (Ed.). – Aldershot; Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005. – P. xxv; Клименко Б.М. Мирное решение территориальных споров. – С. 171 – 174.

[49] *Eastern Greenland*, P. 42-44, *Temple*, P. 25, 27.

правовых аргументов сторон; 2) установление наличия территориального спора; 3) определение критической даты (при необходимости); 4) исследование обоснованности правовых аргументов сторон с точки зрения конкретных применимых международных договоров; норм и принципов международного права о территории; 5) исследование последующего поведения сторон с точки зрения применимости доктрин молчаливого признания и эстоппеля.

Второй этап состоит в выработке решения спора с учетом неправовых факторов путем ответа на следующие вопросы: 1) должен ли результат по итогам первого этапа, быть изменен для учета неправовых соображений; 2) какие из предлагаемых с обеих сторон на политическом и академическом уровне вариантов решения спора лучше всего согласуются с решением спора по итогам первого этапа; с целями и потребностями сторон (тем, чего они желают добиться); с переговорными позициями сторон (тем, на что они согласны); 3) соотносится ли избранный вариант решения с соображениями стабильности и эффективности; 4) не нарушает ли избранный вариант решения принципы запрета применения силы и самоопределения народов.

Во второй главе «Российско-японский спор о суверенитете над южно-курильскими островами: юридически значимые фактические обстоятельства» рассматриваются фактические обстоятельства спора и цитируются значимые для его анализа материалы.

Первый параграф второй главы «Характеристика фактических обстоятельств, *prima facie* значимых для российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами» посвящен обзору характеристик самих южно-курильских островов, а также позиций и интересов России и Японии в их отношении.

Япония заявляет требование о возврате четырех южно-курильских островов. Правительство Японии руководствуется интересами стратегии, экономического освоения территорий и прилежащих морских пространств, соображениями внутренней и внешней политики, чувствами национальной гордости и исторической справедливости, а также риском последствий для ее других территориальных споров. 25% населения Японии поддерживает это требование; большая поддержка существует в академических кругах.

Российская Федерация отрицает территориальные уступки; при этом центральное правительство подтверждает значение Совместной советско-японской декларации 1956 г., предусмотревшей передачу о-вов Шикотан и Хабомаи Японии после заключения мирного договора. 78% россиян возражают против передачи спорных островов Японии, и такая позиция в целом характеризует отношение к проблеме и специалистов.

Во втором параграфе второй главы «Изложение российско-японских разногласий о суверенитете над южно-курильскими островами в исторических материалах» рассматривается история российско-японских отношений в связи с южно-курильскими островами на основе ее разделения на четыре периода: 1) первооткрытие и первоосвоение островов, установление

первой российско-японской границы, с XVII века до подписания Портсмутского мирного договора в 1905 г.; 2) 1905 – 1951 гг. – события до, в течение и непосредственно после Великой Отечественной войны, т.е. в связи с заключением мирного договора и его имплементацией; 3) события в связи с заключением Совместной советско-японской декларации 1956 г.; и 4) с 1956 г. до наших дней – новейшая история российско-японского спора.

В третьем параграфе второй главы «Международно-правовые документы, применимые к российско-японскому спору о суверенитете над южно-курильскими островами» приводятся выдержки из международно-правовых и иных документов, на которые стороны ссылаются в подтверждение своих позиций или которые проливают свет на их позиции.

Цитируются международные договоры XIX века, относимые к спору соглашения и официальные документы СССР (России), Японии и других государств XX века, в частности, материалы периода Великой Отечественной войны и мирного урегулирования по определению территориального состава Японии, и, наконец, документы новейшей истории российско-японских отношений, в которых упоминается территориальная проблема.

Третья глава «Международно-правовой анализ позиций России и Японии в споре о суверенитете над южно-курильскими островами» посвящена правовому анализу позиций Японии и России в споре о суверенитете над южно-курильскими островами.

В первом параграфе третьей главы «Международно-правовая позиция Японии» изложены правовые аргументы, заявляемые Японией в пользу ее титула на южно-курильские острова согласно официальным материалам МИД Японии и специальной литературе. Япония считает южно-курильские острова своими «исконными» «Северными территориями» с XVII века. Согласно позиции Японии, эта фактическая ситуация была подтверждена Симодским трактатом 1855 г. и Санкт-Петербургским трактатом 1875 г., понятие «Курильских островов» в которых относится только к северной части гряды. На основании указанных договоров Япония мирно и открыто осуществляла суверенитет над южно-курильскими островами вплоть до 1945 г., когда СССР, нарушив Пакт о нейтралитете с Японией 1941 г., а также положения Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. о запрете территориальной экспансии, занял эти территории с помощью военной силы. Япония заявляет, что Каирская декларация 1943 г. и Потсдамская декларация 1945 г., а также Ялтинское соглашение 1945 г. (в силу его тайного и необязательного характера) не предоставили СССР правовое основание для такой военной оккупации. Такое основание не предусмотрено и Сан-Францисским мирным договором 1951 г., поскольку южно-курильские острова не входят в понятие «Курильских островов», отторгнутых в соответствии с его условиями, и поскольку СССР не является стороной по договору. Наконец, заявляется, что Совместная советско-японская декларация 1956

г. не могла быть в одностороннем порядке расторгнута СССР, продолжает действовать и может считаться признанием правового титула Японии по меньшей мере на о-ва Шикотан и Хабомаи.

Второй параграф третьей главы «Международно-правовая позиция России» посвящен изложению правовой позиции Российской Федерации в рассматриваемом споре.

Хотя единый официальный документ с изложением ответной позиции Российской Федерации отсутствует, можно выявить контраргументы на доводы Японии. Согласно российской позиции, вопрос о принадлежности южно-курильских островов был разрешен по итогам Второй мировой войны: Япония отказалась от этих территорий в соответствии с Каирской декларацией 1943 г., Потсдамской декларацией 1945 г. и обязательным для нее Сан-Францисским мирным договором 1951 г. Вопрос передачи данных территорий Советскому Союзу был решен Ялтинским соглашением 1945 г., неучастие в котором Японии не имеет значения. Это соглашение представляло собой выражение мер ответственности Японии за агрессию, санкционированных Союзными державами. Что же касается предположительного нарушения СССР Пакта о нейтралитете 1941 г., то Япония не вправе ссылаться на него, поскольку не намеревалась исполнять его положения с момента заключения.

В литературе дополнительно заявляется, что южно-курильские острова были открыты и нанесены на карту русскими мореходами и исследователями, а также присоединены к территории Российской империи соответствующими указами. Международные договоры XIX в. были упразднены Русско-японской войной 1904-1905 гг. и в любом случае подразумевают под «Курильскими» также и южно-курильские острова. Как бы то ни было, суверенитет над южно-курильскими островами в течение более, чем 70 лет осуществляется Российской Федерацией (до нее – СССР), и утверждается, что российский правовой титул закрепился ввиду эффективного завладения и приобретательской давности.

Третий параграф третьей главы «Соотношение доводов Японии и России о суверенитете над южно-курильскими островами с точки зрения международного права» содержит самостоятельный анализ диссертантом рассматриваемого спора.

Диссертант, прежде всего, заключает, что спор объективно существует ввиду достаточной кристаллизации позиций спорящих государств и его признания сторонами, при этом устанавливать критическую дату ввиду большого объема материалов спора не следует.

Оценка исторических свидетельств первооткрытия и первоосвоения южно-курильских островов позволяет согласиться с преобладающим мнением специалистов о том, что данный аргумент ни для Японии, ни для России не влечет однозначного вывода. Надлежащим основанием исходного титула на эти территории следует считать Симодский трактат 1855 г., по которому они отошли к Японии. Данный договор, как и Санкт-Петербургский трактат 1875 г.,

не утратил силу ввиду Русско-японской войны 1904-1905 гг. Понятие «Курильских островов» в обоих договорах включало южно-курильские острова, в том числе и по мнению самой Японии.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией 1941 г. мог прекратиться только в апреле 1946 г. Основания для применения к досрочному выходу СССР из Пакта доктрины коренного изменения обстоятельств отсутствуют. Однако при толковании Пакта в соответствии с его объектом и целью можно говорить о том, что он утратил смысл, поскольку оба государства фактически нарушили его, воюя с союзниками друг друга. В 1945 г. обе стороны подтвердили, что Пакт сохранял силу, однако в свете принципа добросовестности должны быть лишены права заявлять о нарушении Пакта, поскольку не соблюдали его.

Каирская декларация 1943 г. не обосновывает занятие СССР южно-курильских островов, поскольку они не входят в число территорий, захваченных Японией «при помощи силы и в результате... алчности», но впервые определяет усмотрение Союзных держав по решению судьбы территории Японии после войны. Аргумент о нарушении СССР положений декларации и Атлантической хартии 1941 г. о запрете территориальной экспансии неоправданно отождествляет экспансию с правомерным отторжением территорий у государства-агрессора.

Ялтинское соглашение 1945 г. является международным договором в силу его письменной формы, наименования и формулировок о правах и обязанностях сторон. Ничто во внутреннем праве США *prima facie* не исключает возможность заключения подобных соглашений, и США не вправе ссылаться на внутреннее право как на основание недействительности этого соглашения. В силу принципа эстоппеля США не имели права менять свое отношение к Ялтинскому соглашению 1945 г. в ущерб СССР.

Тайный характер Ялтинского соглашения 1945 г. также не влечет его недействительность – такие соглашения широко распространены на практике и действительны, если не нарушают международное право. Неучастие Японии в соглашении не влечет правовых последствий для его действительности, поскольку согласно документам о ее капитуляции, Япония не имела прав на определение собственного территориального состава.

Даже если оно недействительно, что не так, Ялтинское соглашение по признанию специалистов и представителей США и Великобритании легло в основу Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Хотя в нем не определен термин «Курильские острова», существуют свидетельства того, что США понимали его как охватывающий южно-курильские острова, а Великобритания полагалась на мнение США; признаков намерения ограничить это понятие северной частью архипелага не имеется, и презюмировать узкое толкование было бы неверно.

Документы в связи с капитуляцией Японии: Потсдамская декларация 1945 г., Акт о безоговорочной капитуляции Японии 1945 г., Меморандум Главнокомандующего Союзных держав № 677, – подтвердили полное усмотрение Союзных держав на определение

послевоенного территориального состава Японии, Япония согласилась с этим, и с тем, что СССР являлся одной из Союзных держав. Вместе с сопутствующей перепиской глав государств, приказом об установлении территорий оккупации и отсутствием протестов против занятия СССР всех Курильских островов, эти документы подтверждают, что южно-курильские острова в понимании Союзных держав и самой Японии не отделялись от остальной гряды.

Сан-Францисский мирный договор 1951 г. СССР не подписал, но этот документ имеет первостепенное значение, поскольку он закрепил согласие Японии на отторжение от нее «Курильских островов». Исходя из подготовительных материалов к договору, а также иных документов и материалов, включая японские, нет оснований не считать «Курильскими» о-ва Итуруп, Кунашир и Шикотан, хотя о-ва Хабомаи действительно административно относились к округу Немуро о. Хоккайдо. Такова была и позиция США в ходе мирной конференции. Великобритания, судя по документам ее Кабинета министров, упоминала без оговорок «Курилы» или «Курильские острова». Что касается Японии, то ее представители в ходе конференции высказывались о том, что «Курильскими» безусловно были о-ва Итуруп и Кунашир, но о-ва Шикотан и Хабомаи называли отдельно; при этом они не сделали никаких оговорок или протестов по тексту Статьи 2(c) Сан-Францисского мирного договора 1951 г., в связи с чем следует заключить, что «Курильскими» стоит считать все четыре южных острова.

Хотя в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. СССР не был указан как выгодоприобретатель отказа Японии от Курильских островов, данный договор не являлся простым договором цессии и не подчинялся обычно-правовым нормам о действии международных договоров в отношении третьих государств. Его Статья 2(c) отторгала территории от Японии в порядке ее ответственности за военную агрессию, т.е. на ее основании Курильские острова становились ничьими. Поскольку СССР уже эффективно контролировал эти территории к 1951 г. на основании Ялтинского соглашения 1945 г., неуказание его как выгодоприобретателя не влияет на его правовой титул.

Совместная советско-японская декларация 1956 г. прекратила состояние войны, однако, поскольку стороны в дальнейшем неоднократно заявляли о необходимости заключения мирного договора, декларация не равнозначна российско-японскому мирному договору. Ее п. 9 о передаче СССР Японии о-вов Шикотан и Хабомаи в качестве жеста доброй воли не является молчаливым признанием правового титула Японии на эти или другие южно-курильские острова. В нем прямо указывается, что СССР шел «навстречу» «пожеланиям» Японии и соглашался «на передачу», а не на «возврат» ей двух островов. Совместная декларация 1956 г. не утратила силу, и к ней неприменимы положения обычного международного права о коренном изменении обстоятельств, существенном нарушении или невозможности исполнения.

Наконец, такие неправовые доводы Японии, как обращение к географии, геологии, картам или признанию ее притязаний США и КНР, не изменяют результаты вышеизложенного анализа и не имеют приоритета над осуществляемым Россией эффективным контролем над островами. Фактор волеизъявления российского населения островов в контексте принципа самоопределения народов не требует признания суверенитета над островами за Японией, напротив, подтверждая позицию России. Исход же рассматриваемого спора России и Японии для их других территориальных споров может иметь лишь политические последствия.

В четвертой главе «Концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов» диссертантом проанализированы предложенные в литературе концепции разрешения территориального спора, сформулирована авторская концепция создания механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, рассмотрены ее последствия и предложены дополнительные меры в связи с ее имплементацией.

В первом параграфе четвертой главы «Существующие международно-правовые концепции разрешения спора» диссертантом изложена суть и проанализированы положительные и отрицательные стороны предлагаемых представителями России и Японии и специалистами решений российско-японской территориальной проблемы.

Вероятность передачи Японии спорных южно-курильских островов, включая два острова согласно Совместной советско-японской декларации 1956 г., невелика: доводы Японии из соображений истории, права, экономики, безопасности и общественного мнения неспособны подтолкнуть Россию к изменению статус-кво. Сомнения специалистов в необходимости разрешения проблемы неуместны, поскольку территориальная проблема неразрывно связана с проблемой заключения мирного договора, без чего не может быть реализован полный потенциал российско-японских отношений, и оба государства заинтересованы в ее разрешении для расширения сотрудничества, в особенности в области экономики и региональной безопасности. Наконец, спорящие государства рассматривают заключение мирного договора и разрешение территориальной проблемы как главную задачу своих отношений.

Среди предлагаемых решений рассмотрены передача четырех или двух южно-курильских островов Японии, их продажа Японии, уступка территорий в обмен на экономическое сотрудничество, поэтапные планы с созданием механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов при сохранении статус-кво, создание на территории островов автономного демилитаризированного района по модели Аландских островов, создание парка мира для сохранения окружающей среды островов, обращение в Международный Суд ООН или иной орган за разрешением территориальной проблемы, раздел островов «пополам» по примеру территориального урегулирования с КНР, применение

принципа самоопределения народов, превращение островов в свободную экономическую зону и заключение договора о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве без привязки к территориальной проблеме. Несмотря на положительные черты многих концепций, они не привели к успеху, прежде всего, ввиду непримиримости позиции Японии. Вместе с тем, концепции о совместной деятельности соответствуют намерениям, выраженным главами России и Японии в ходе последних переговоров, и обладают наибольшими шансами на успех.

Во втором параграфе четвертой главы «Авторская концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов» рассматриваются два предложения, которые, по мнению диссертанта, должны быть отражены в запланированном международном договоре о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов и прилежащих к ним морских пространств.

В качестве предварительной рекомендации диссертант обосновывает необходимость принятия такой концепции именно в форме международного договора (а не меморандумов о взаимопонимании или деклараций). Это позволит добиться четкости в закреплении взаимных прав и обязанностей сторон в рамках совместного развития южно-курильских островов.

Первым элементом предлагаемого механизма является включение в международный договор защитной клаузулы по примеру действующих российско-японских договоренностей о сотрудничестве в области промысла морских живых ресурсов в водах, прилежащих к спорным территориям. В послевоенный период, когда традиционный японский промысел в указанных морских районах стал невозможен, именно наличие защитных клаузул в двусторонних договорах позволило продолжить его и существенно снизить напряженность в советско-японских отношениях. Хотя рыбный и иной промысел на договорной основе не влечет последствий для территориальных притязаний другого государства, защитные клаузулы дополнительно гарантируют, что позиции сторон не будут затронуты. Необходимость в такой клаузуле была подчеркнута в ходе переговоров по основным параметрам договоренности о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов. С учетом рассмотренных защитных клаузул в рыбохозяйственных соглашениях диссертантом предложен текст защитной клаузулы, которую можно включить в планируемый международный договор.

Вторым элементом предлагаемой концепции являются общие рамки договоренности о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов. По мнению диссертанта, предпочтительно принять комплексный международный договор, который установит особый правовой режим деятельности на островах. Такой правовой режим возможно построить, *mutatis mutandis* (поскольку речь не идет о «возврате» территорий и о создании новой модели экономики с Японией, а не о сохранении существующей), на примере китайско-британской декларации о создании Специального административного района Гонконг. Для этого

необходимо решить вопросы о степени предоставляемой автономии в области законотворчества, государственного управления, разрешения споров (с учетом положений Конституции и законодательства России), четко сформулировать их в договоре. Полномочиями в рамках этой автономии может быть наделен наднациональный орган по модели Совместной контактной группы в Гонконге, которому может быть поручена разработка и имплементация мер для решения конкретных местных вопросов сотрудничества и экономического развития, определение и решение путем консультаций спорных вопросов в рамках совместной деятельности, реализация неэкономических мер для повышения качества жизни населения островов и углубления взаимопонимания между государствами и их народами (гуманитарных обменов, культурных, образовательных и др. проектов). Целесообразно подумать и о возможности Совместной контактной группы давать заключения по вопросам внешних сношений России и Японии, непосредственно касающихся южно-курильских островов.

В третьем параграфе четвертой главы «Анализ правовых последствий совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов» указывается, что предложенный механизм внесет вклад в разрешение территориальной проблемы и заключение мирного договора, расширив сотрудничество между Россией и Японией, укрепив доверие между ними и позволив им перейти на качественно новый уровень переговоров.

Дополнительно предлагается определить способы и порядок учета воли населения островов в решении их судьбы. Помимо правовых мер, таких как референдум, требуются также меры по информированию населения, формированию полного, неискаженного понимания территориальной проблемы и проблемы мирного договора, позиций России и Японии, всех характеристик особого режима, который может быть создан на указанных территориях. Это обеспечит долговечность договоренности, ее одобрение со стороны общественности и ее успех.

В качестве последней меры диссертантом предлагается использовать дипломатический подход по принципу «пакета» и «мини-пакетов», который был применен при разработке и утверждении текста Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., для выявления точек соприкосновения и разногласий по отдельным вопросам и выработки приемлемых вариантов для смягчения или устранения разногласий между российской и японской сторонами.

В **заключении** изложены основные результаты диссертационного исследования.

В **приложениях** приводятся карты Курильских островов, перевод Закона Японии «О специальных мерах по содействию решению вопроса Северных территорий» от 31 августа 1982 г. (с изменениями и дополнениями), перевод Совместной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга и рекомендация по тексту защитной клаузулы для российско-японского соглашения о совместной деятельности на южно-курильских островах / о создании особого правового режима на южно-курильских островах.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора общим объемом 3,97 п.л.

В рецензируемых научных изданиях:

1. Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к южно-курильским островам // Московский журнал международного права. – 2016. – №2. – С. 35-57. (1,77 п.л.)

2. Неверова Е.В. Основания изменения прав на государственную территорию (по материалам зарубежной международно-правовой литературы) // Евразийский юридический журнал. – 2017. – №1(104). – С. 30-36. (1,2 п.л.)

3. Неверова Е.В. Курс на совместное освоение южно-курильских островов: международно-правовой комментарий // Право и управление. XXI век. – 2017. – №3(44). – С. 48-57. (1,0 п.л.)